

На правах рукописи

БУЗУК ИРИНА ЛЕОНИДОВНА

**ОТРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В ОСВОЕНИИ
МАЛАГАСИЙСКИХ РЕАЛИЙ**

Специальность 10.02.05 – романские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Воронеж – 2022

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Кретов Алексей Александрович

Официальные оппоненты: **Багана Жером**, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кафедра романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, профессор

Гулинов Дмитрий Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», кафедра романской филологии, заведующий

Ведущая организация: Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский городской педагогический университет»

Защита состоится «3» октября 2022 г. в 13.30 на заседании диссертационного совета Д 212.038.16 при ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» по адресу: 394006, Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 49.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» и на сайте <http://www.science.vsu.ru/disser>.

Автореферат разослан «__» августа 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Кузьменко Павел Борисович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Настоящее диссертационное исследование представляет собой попытку рассмотреть особенности французского менталитета в освоении малагасийских реалий, которые выявляются на фоне освоения малагасийской действительности средствами русского языка.

В отечественной лингвистике исследования, посвященные вопросу изучения малагасийской лексики, если и предпринимались, то их количество остается достаточно скудным [Карташова 1966; Ижик 2014; Кретов 2018]. Насколько нам известно, исследования, направленные на изучение малагасийских культурно-специфических лексических единиц, к которым относятся слова-реалии, до сегодняшнего дня в отечественной лингвистике не предпринимались, за исключением работы А.А. Кретова «Малагасизмы в русском языке» [Кретов 2006].

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена, с одной стороны, отсутствием специальных трудов, посвященных изучению и описанию взаимодействия французской и малагасийской лингвокультур, а, с другой стороны, интенсификацией межкультурных контактов и насущной потребностью в более полном и глубоком взаимопонимании носителей различных лингвокультур.

Объектом исследования являются малагасийские реалии во французской лексикографии и в письменной речи на французском языке.

Предметом исследования выступают способы реноминации малагасийских реалий средствами французского языка на русском фоне.

Материалом исследования во II главе послужили номинации 402 реалий, отобранных из Малагасийско-французского словаря А. Абиналя и В. Мальзака. Своеобразие способов семантизации малагасийской лексики французским языком исследуется на русском фоне, для чего мы обращаемся к материалу Малагасийско-русского словаря Л.А. Корнеева.

В III главе материалом для анализа послужили контексты, содержащие описания реалий малагасийской действительности, выделенные в результате сплошной выборки из произведений малагасийцев-франкофонов, французов и русских. Мы старались собрать всевозможные тексты на двух языках, которые осваивают малагасийскую действительность либо через перевод малагасийских текстов, либо через оригинальные тексты, непосредственно осваивающие французским языком или русским языком малагасийскую действительность. В жанровом отношении эти произведения представляют собой романы, рассказы, повести, литературные сказки, путевые заметки с общей длиной текста 1.870.304 словоупотребления (длина текста для «малагасийского» корпуса составляет 827.141 словоупотребление, для французского корпуса – 836.810 словоупотреблений, для русского – 206.353 словоупотребления). Номинации малагасийских реалий на этом корпусе дали 3.262 контекста (в «малагасийском» корпусе – 1.306 контекстов, во французском корпусе – 1.106 контекстов, в русском – 850 контекстов).

Список исследуемых источников с указанием длины текста и количества контекстов для каждого проанализированного произведения представлен в Приложении 1.

Цель работы заключается в выявлении особенностей французского менталитета через способы освоения малагасийских реалий средствами французского языка.

Достижение сформулированной цели предполагает решение следующих **задач**:

- проанализировать понятие «менталитет»; рассмотреть способы его проявления и исследования в аспекте взаимосвязи с теорией реалий и реноминации;

- исследовать процессы реноминации в малагасийско-французском и малагасийско-русском словарях;

- создать корпус контекстов, содержащих описания малагасийских реалий малагасийцами-франкофонами, французами и русскими;

- в аспекте теории реноминации исследовать процессы освоения малагасийской лингвокультурной действительности средствами французского и русского языков в текстах, написанных малагасийцами-франкофонами, французами и русскими;

- охарактеризовать особенности французского менталитета в освоении малагасийской действительности на русском фоне.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлено описание процесса освоения малагасийских реалий средствами французского языка. Особенности французского менталитета в освоении малагасийских реалий выявляются на фоне освоения малагасийской действительности средствами русского языка. При этом особенности реноминации чужой действительности оказываются ключом к особенностям национального менталитета.

Научный аппарат Теории реноминации обогащен понятием *криптореалии*, под которой понимается скрытая (для носителя языка-реципиента) реалия. Целесообразно различать *внутреннюю криптореалию*, определяемую через слово языка-источника, и *внешнюю криптореалию*, определяемую через слово третьего языка.

Теоретическая значимость работы заключается в дополнении теории реалий в аспекте освоения чужой действительности. Полученные в ходе исследования результаты вносят вклад в развитие теории реноминации, раскрывая суть способов реноминации малагасийских слов-реалий во французской лексикографии и французских текстах на русском фоне.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания ряда дисциплин лингвистического цикла (лексикологии, межкультурной коммуникации), спецкурсов, а также в переводческой и лексикографической практике. Выявленные в ходе исследования недочеты в малагасийско-французском и малагасийско-русском словарях могут

способствовать совершенствованию составления малагасийских иноязычных словарей.

Теоретико-методологической базой исследования является комплексный подход к рассмотрению реалий, базирующийся на следующих взаимообусловленных принципах:

– теория реалий, в рамках которой была введена система терминов для обозначения каждой из сторон реалий («предмет-понятие-слово»): R-реалии; C-реалии и L-реалии [Фененко 2006; 2007];

– теория межъязыковой реноминации, в ходе которой происходит устранение лакун в языке-реципиенте [Кретов 2011].

В ходе исследования были использованы такие **методы**, как анализ и синтез, метод лингвистического наблюдения, описательный метод, метод словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, количественные методы исследования; для выявления специфики французского менталитета использовались элементы сопоставительного метода.

Теоретическую основу работы составляют труды российских и зарубежных ученых в области:

– осмысления связи языка, человека и мира (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Вайсгербер, А.А. Потебня, Б.А. Серебренников, Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова).

– языковой политики, языковых контактов и межкультурной коммуникации (Л.А. Карташова, В.Т. Клоков, Ж. Багана, С.Г. Тер-Минасова, Л.Г. Викулова, L.-J. Calvet, D. Turcotte).

– менталитета и национального характера (Т.Б. Радбиль, М.К. Голованивская, О.А. Корнилов, В.В. Колесов, А.П. Седых, Г.Д. Гачев, И.А. Стернин, А.А. Джиева, Д.Ю. Гулинов, А. Фуллье, Т. Зэлдин).

– языковых реалий (А.Е. Супрун, В.П. Берков, В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, С. Влахов, С. Флорин, В.Г. Гак, А.В. Федоров, Е.М. Солнцев, Н.А. Фененко, А.А. Кретов, M. Lederer).

– теории лакун (В.Л. Муравьев, Ю.А. Сорокин, Н.Л. Глазачева, И.Ю. Марковина, И.А. Стернин, J.-P. Vinay, J. Darbelnet).

– теории реноминации (А.А. Кретов, Н.А. Фененко, М.В. Зырянова, И.С. Воронкова, С.Ю. Булгакова, В.В. Козлова, И.М. Мельничук).

Гипотеза исследования: особенности французского менталитета проявляются в особенностях процесса реноминации при освоении малагасийской действительности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эффективным подходом к исследованию французского менталитета является изучение способов реноминации, используемых носителями французского языка при освоении чужой действительности.

2. Французы описывают малагасийскую лингвокультуру весьма обобщенно: например, дефиниции типа *'terme de Sikidy'* (*термин сикиди*), *'nom d'une herbe'* (*название травы*), стремясь представить «чужую» лингвокультуру своей, избегая при этом заимствования малагасийских слов.

3. В текстах, написанных французами, L-реалии встречаются на 17% реже, чем в текстах, написанных малагасийцами-франкофонами, что свидетельствует о незавершённости процесса галлизации малагасийцев при высокой степени их интегрированности во французскую лингвокультуру.

4. Французские авторы, как это выясняется на русском фоне, употребляют в текстах малагасизмы в три раза меньше, что свидетельствует об одной из особенностей французского менталитета, проявляющейся в дистанцировании французов от единиц малагасийского языка.

5. Французский менталитет характеризуется национально-культурной самодостаточностью, ведущей к относительной «герметичности» французской лингвокультуры, проявляющейся в стремлении французов представить «чужое» максимально «своим».

Апробация основных положений и результатов исследований работы осуществлялась на III Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2017 г.), Международной научно-практической конференции «Текст в культурном, историческом, языковом пространстве» (Москва, 2017 г.), Международной научной конференции «Эксплицитное и имплицитное в языке и речи» (Минск, 2017 г.), Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода» (Воронеж, 2018 г.), Республиканская научно-практическая конференция (с международным участием) «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (Тирасполь, 2019 г.), научно-практической конференции «Проблемы лингвистики и методики обучения иностранным языкам в свете межкультурной коммуникации» (г. Рыбница, 2019 г.), Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты» (Воронеж, 2020 г.).

По теме диссертации опубликовано 12 работ, 6 из которых помещены в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка лексикографических источников, списка источников примеров и приложения. Содержание диссертационного исследования изложено на 323 страницах (не считая приложения), в текст включено 6 таблиц и 7 рисунков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования.

В первой главе «Теоретические аспекты реалиеведения» формулируются теоретические положения, которые лежат в основе данного исследования; уточняются определения понятий «менталитет», «реалия», «лакуна», «реноминация»; рассмотрены способы проявления и исследования менталитета в аспекте взаимосвязи с теорией реалий-лакун и реноминации.

Менталитет является весьма сложным лингво-этно-культурным явлением. Процесс развития понятия «менталитет» видится в три этапа. На первом этапе оно латентно вызревает в исследованиях, по существу посвященных проблемам менталитета, но использующих другие термины: «психика народа», «дух народа», «этническое сознание» и др. На втором этапе происходит выделение этого понятия в школе «Анналов». На третьем начинается его использование разными науками, каждая из которых дает свою трактовку этому понятию [Юревич 2013]. В рамках данной работы под менталитетом понимается своеобразный способ мировидения, мировосприятия окружающей действительности, свойственный определенному этносу, вырабатываемый под влиянием определенных социокультурных и естественно-географических факторов.

Особое место в изучении менталитета отводится лингвистике, а точнее антропоцентрической лингвистике, рассматривающей языковые явления в связи язык и человек. В. фон Гумбольдт полагал, что «духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое... Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Алпатов 2001: 68]. Он настаивает на том, что дух народа недоступен наблюдению, о нем мы можем узнавать лишь по его проявлениям, прежде всего по языку.

В рамках данного диссертационного исследования полагается, что одним из проявлений менталитета является реноминация – то, как носители языка пользуются французским языком при освоении «чужих» реалий, представляющих малагасийскую действительность. В исследовании способов реноминации используется типология реалий: R-, C- и L-реалии [Кретов 2013; Фененко 2007]. Слова-реалии классифицируются с учетом трех сторон, символизирующих смысловую структуру лексической единицы «предмет-понятие-слово». Для каждой из этих сторон реалий предусмотрен свой термин: R-реалии, отсылающие к конкретным фактам реальной действительности (к денотатам), т.е. обозначающие предметы реальной действительности (артефакты, натурфакты); C-реалии, обозначающие культурные концепты (ментефакты), и L-реалии, являющиеся языковым обозначением R- и C-реалий.

Реалия существует только в том случае, если в одном из двух языков есть лакуна, «пробелы, «белые пятна» на семантической карте языка, текста или культуры в целом, незаметные изнутри, при рассмотрении одного языка текста или культуры, но выявляющиеся при их сопоставлении» [Марковина 2010: 4]. Взаимосвязь понятий реалия и лакуна выражается в том, что теория реалий исследует всевозможные способы заполнения лакун, возникающих при переходе «чужой» реалии как элемента исходной лингвокультуры в язык-реципиент. Так, теория реалий-лакун и теория реноминации оказываются взаимосвязанными. В этой связи особую роль в рамках данной работы играет концепция межъязыковой реноминации, суть которой «заключается в назывании («отображении») «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата» [Кретов 2011: 154].

Результаты исследований, направленных на анализ лингвокультурных реалий в аспекте теории реноминации [Зырянова 2011; Воронкова 2011; Булгакова 2013; Козлова 2013; Мельничук 2020], свидетельствуют о системном и регулярном характере их передачи при переводе, который поддается моделированию и сводится к определенным реноминативным типам.

Итак, исследование способов реноминации слов-реалий (как наблюдаемого явления) позволяет исследовать проявление национального менталитета. Путь от реального мира (R-реалии) к понятию (C-реалии) и далее к словесному выражению (L-реалии) образует своего рода траекторию, обусловленную национальным менталитетом.

Во второй главе «Освоение малагасийских реалий французской лексикографией на русском фоне» содержится исследование способов реноминации 402 малагасийских реалий в Малагасийско-французском словаре А. Абиналя и В. Мальзака (далее DMF) [Abinal, Malzac 1955]. Русский язык привлекается исключительно в качестве фона, позволяющего обнаружить специфику французского менталитета, который вне такого сопоставления не обнаруживается. Анализ проводится на фоне Малагасийско-русского словаря Л.А. Корнеева (далее MPC) [Корнеев 1987].

Выделенный для исследования корпус малагасийских номинаций однороден грамматически: все они являются именами существительными, но не однороден тематически: здесь представлены как природные явления (животные, растения, птицы и т.д.), так и разнообразные социальные явления (артефакты, игры, месяцы, боги, этносы и т.д.).

Отобранные малагасийские реалии разделены на две группы: «чужие» R-реалии (262 дефиниции) и «чужие C-реалии (140 дефиниций). Малагасийские R-реалии, отсылающие к конкретным фактам реальной действительности (к денотатам), представлены лексическими единицами, называющими различные натурфакты (явления и объекты, созданные природой) и артефакты (предметы, сделанные человеком). Под C-реалией

понимается некая максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющая визуального прототипического образа, хотя и не исключая возможные визуально-образные ассоциации, связанные с этим «культурным предметом» [Красных 2003: 272].

При передаче малагасийских R- и C- реалий французская лексикография использует три основных способа: введение R-, C- и L-реалий как в простых (свернутых), так и в комплексных (развернутых) типах реноминации (см. рис. 1). В основе выделения типов лежит оппозиция «свой»/«чужой». Дихотомия «своя – чужая» C-реалия отражает способ интерпретации действительности исходя из количества толкующих слов в словарной статье двуязычного словаря, т.е. исходя из метода словарных дефиниций, разработанных В.Т. Титовым [Титов 2002]. Одно, два или три толкующих слова указывают на «свои» C-реалии, а от восьми – на явно «чужие» C-реалии. Дефиниции из четырех, пяти, шести и семи толкующих слов интерпретируются содержательно, и в зависимости от содержательной интерпретации относятся либо к «своим», либо к «чужим» C-реалиям.

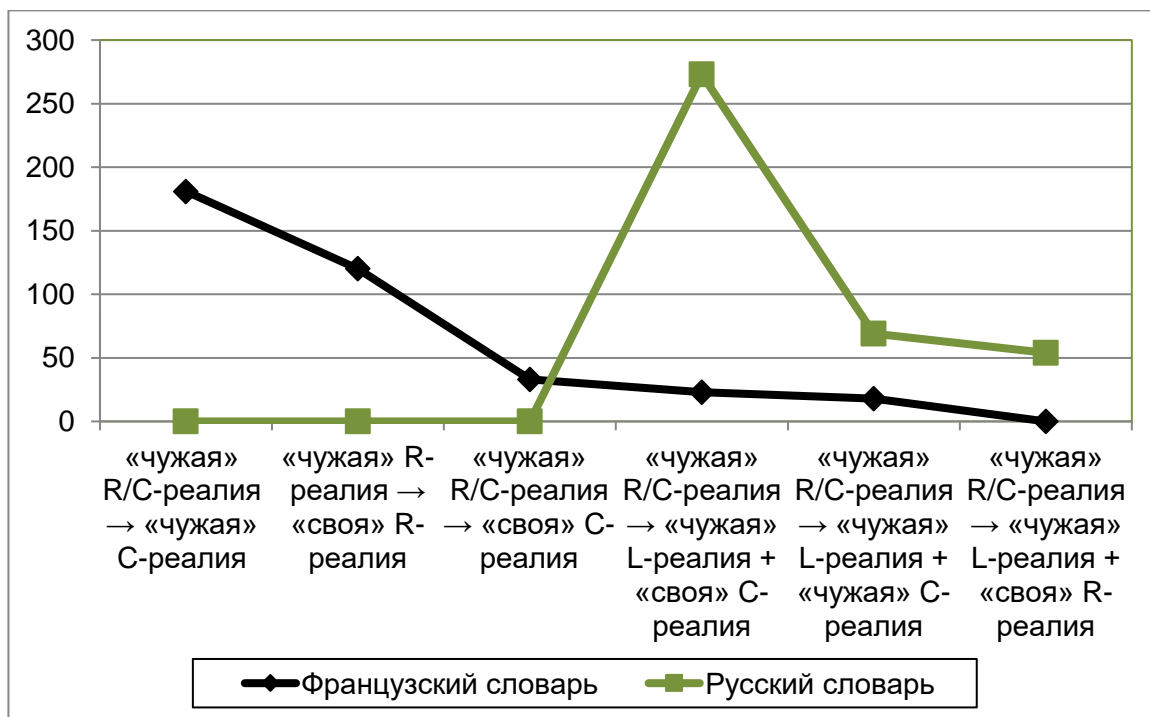

Рис. 1. Основные типы реноминации малагасийских реалий в DMF и MPC

Рисунок 1 демонстрирует, что на фоне русской лексикографии французская лексикография отдает предпочтение простым типам реноминации (в 336 случаях (84%) от общего числа примеров), в то время как русская во всех случаях прибегает к комплексному типу реноминации. Основные типы реноминации в двух словарях практически повторяют друг друга, лишь за одним исключением: русский язык во всех случаях еще и принимает «чужую» L-реалию.

Самым частотным способом освоения малагасийской действительности средствами французского языка является введение С-реалий (367 случаев), которые нацелены на раскрытие семантических признаков «чужой» реалии. Частота употребления различных типов реалий в процессе реноминации представлена на рис. 2.

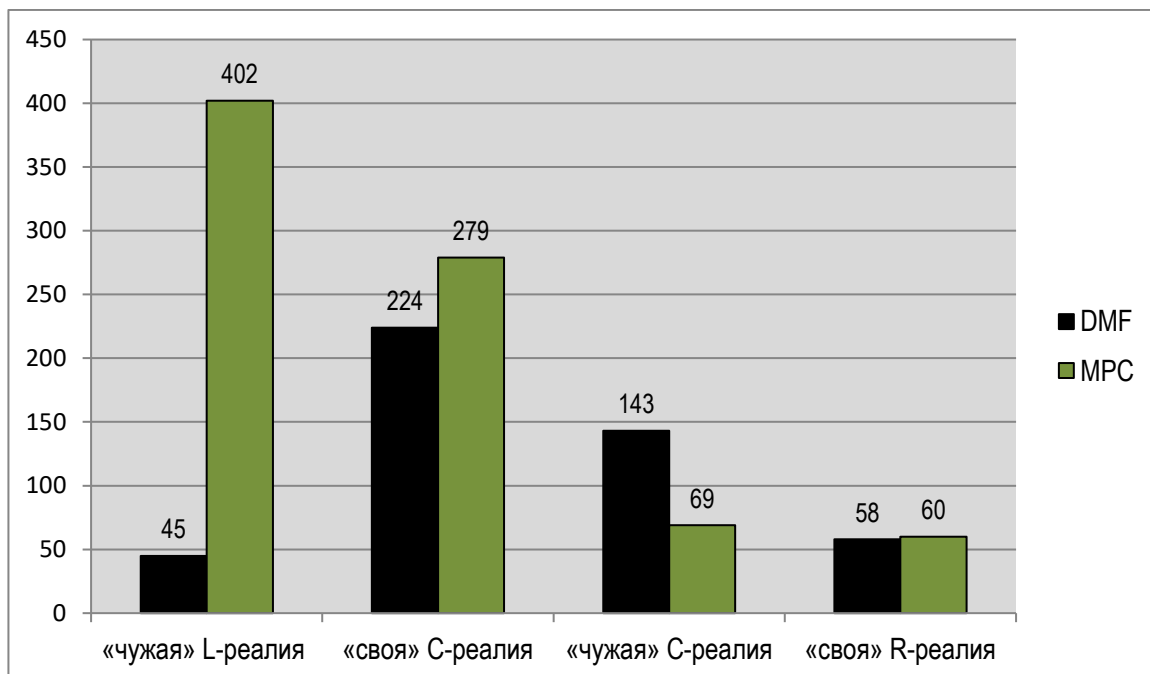

Рис. 2. Частота употребления R, С и L-реалий при освоении малагасийских реалий французской лексикографией на русском фоне

Например, малагасийское слово *AKOMA*, значение которого передается следующим образом: «gros serpent» (крупная змея¹) [Abinal, Malzac 1955]. Реноминация осуществляется путем введения «своей» С-реалии, вырабатывающей новое понятие в концептосфере носителей французского языка, но оставляющей L-реалию в словаре и фразеосфере. В действительности речь идет об эндемике Красного острова – мадагаскарском удаве *Pelophilus madagascariensis*, но выбранный способ семантизации приводит к полному опущению национальной специфики малагасийской лингвокультуры. Освоение данного малагасизма в русской лексикографии идентично французскому, но с той лишь разницей, что русский язык заимствует из малагасийского языка L-реалию (новую лексическую единицу) и только затем вводит «свою» С-реалию: «*AKOMA* – акума (вид крупной змеи)» [Корнеев 1987].

FANORONA – ‘Grand jeu de marelle’ (игра в мельницу). Данный пример в очередной раз показывает нежелание французского языка принять факты чужой культуры. Французский язык словно вырабатывает иммунитет к малагасийской культуре, лишь бы не пропустить чужой элемент. Процесс

¹ Здесь и далее перевод с французского наш. – И.Б.

реноминации в этом случае заключается во введении «своей» С-реалии, в рамках которой авторы словаря прибегают к функциональному аналогу, пытаясь заменить неудобное слово. Слово *FANÒRONA* представлено как ‘jeu de marelle’ (игра в мельницу), при этом в дефиниции нет информации, указывающей на малагасийское происхождение игры. Известно, что «фанорона – настольная игра, произошедшая от средневековой арабской игры «киркат», в которую играли на доске 5×5. Фанорона родом с острова Мадагаскар, где особенно распространена и популярна. Относится к категории игр шашечного типа» [Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фанорона>]. В данном случае весьма интересно вырисовывается картина взаимодействия культур, если проследить значение слова «киркат»: «*quirkat* (персид. или турец. «мельница»). Настольная игра шашечного типа, распространенная в Средневековье. Пришла от арабов в Испанию. Дала толчок европейским разновидностям шашек, а также мадагаскарской игре фанорона (*fanorona*)» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Алькерк>].

В двуязычных французско-русских словарях представленное в дефиниции слово *marelle* переводится исключительно словом *классики* (*игра в классы*), под которым понимают детскую игру, заключающуюся в том, чтобы, прыгая на одной ноге, толкать ею же шайбу (плоский камушек) в клетках, расчерченных на земле: «jeu d'enfant qui consiste à pousser à cloche-pied un palet dans des cases tracées sur le sol» [Dictionnaire de français Larousse].

Но CNRTL также содержит упоминание о видах игр для двух игроков, заключающихся в том, чтобы выставить, а затем переместить фишки (три в самом простом варианте) в точках пересечения квадратной фигуры (состоящей иногда из нескольких квадратов, вписанных друг в друга), пересеченной медианами, а в некоторых случаях диагоналями, с целью выставления трех фишек одного цвета в ряд: «type de jeux qui se jouent à deux et consistent à poser puis déplacer des jetons (trois dans la forme la plus simple) aux points d'intersection d'une figure carrée (ou formée de plusieurs carrés inscrits les uns dans les autres) coupée par ses médianes et, dans certains cas, par ses diagonales, le but étant d'aligner trois jetons» [CNRTL]. При этом CNRTL отмечает, что слово *marelle* является синонимом *jeu de moulin*. В ходе дальнейших поисков обнаруживается следующее: «le jeu du moulin est un jeu de société traditionnel en Europe. Le tablier de jeu existait déjà dans la Rome antique. Aussi appelé *jeu du charret* (en Suisse), certains lui donnent le nom médiéval de *jeu de mérelles*, voire de *marelle*» (игра в мельницу – традиционная настольная игра в Европе. Игровой фартук существовал еще в Древнем Риме. Также называется *jeu du charret* (в Швейцарии), некоторые дают ему средневековое название *jeu de mérelles* или *de marelle* [https://fr.wikipedia.org/wiki/Jeu_du_moulin].

Таким образом, вероятность того, что введенная авторами словаря «своя» С-реалия воспроизведет у читателя те ассоциации и тот образ, что связаны с малагасийской игрой *FANÒRONA*, весьма мала, т.к. чтобы

получить более или менее ясное представление об описываемой действительности, читатель вынужден производить множество поисков. Стоит отметить, носитель французского языка в первую очередь будет думать об игре в классики, к которой данная малагасийская игра не имеет никакого отношения. Подтверждение этому мы нашли в НКРЯ>в корпусе параллельных текстов>французский язык, где во всех представленных контекстах слово *marelle* упоминается только лишь в значении *классики* [Национальный корпус русского языка]. Не исключается, что с момента создания DMF прошло немало лет, и частотность и употребительность этих значений могла измениться, поэтому в свете сегодняшних реалий, на наш взгляд, у «своей» С-реалии ‘*jeu de dames malgache*’ (малагасийские шашки) было бы гораздо больше шансов обеспечить более полную смысловую нагрузку. Семантизация в MPC – ‘фануруна (игра типа шашек)’.

NONOKA – ‘Arbre de la famille des figuiers, dont les feuilles sont prises en décoction dans la diarrhée et dans le travail de l’enfantement’ (фиговое дерево, листья которого добавляют в отвар и пьют при диарее и во время родов). Семантизация в MPC – ‘нунука (вид фигового дерева)’. На фоне русской лексикографии французский язык прибегает к введению «чужой» С-реалии, развернутой экспликации, но оставляет L-лакуну в словаре.

ANGARÒA – ‘Grande coquille marine; on la sonnait à la suite du souverain’ (крупная морская раковина, в которую трубят после того, как прошел правитель). Семантизация в MPC – ‘ангаруа (вид крупной морской раковины)’. Введенная во французском языке «чужая» С-реалия и в русском языке «своя» С-реалия передают разный объем культурно-специфических сведений, но русский язык в отличие от французского вводит еще и «чужую» L-реалию.

На русском фоне французская лексикография в 2 раза чаще прибегает к использованию «чужих» С-реалий (143 случая и 69 случаев соответственно), т.е. детальнее раскрывает суть малагасийского явления (см. рис. 2). Этот факт, на наш взгляд объясним тем, что французам лучше знакома малагасийская культура ввиду установившихся более тесных политических, экономических, культурных отношений.

Учитывая более высокую осведомленность французов относительно малагасийской культуры, предполагается, что доля введенных «чужих» С-реалий могла бы быть выше; вместо дефиниций типа ‘*nom d’une herbe*’ (название травы), ‘*espèce de riz*’ (вид риса), ‘*terme de Sikidy*’ (термин сикиди) во французском словаре могли бы быть более развернутые экспликации, раскрывающие релевантные характеристики малагасизмов и их специфичность для малагасийской лингвокультуры.

Методом словарных дефиниций было выявлено, что самыми употребительными метасловами при введении экспликаций являются: ‘*nom de*’ (название чего-то) – 87 дефиниций; ‘*espèce de*’ (вид, разновидность чего-то) – 53 дефиниции; ‘*terme de*’ (термин чего-то) – 22 дефиниции. Например, *TARÀRAKA* – ‘*Espèce de hibou diurne*’ (вид дневной совы). Выходит, что

французскому читателю достаточно знать лишь то, что речь идет о разновидности какой-то дневной совы. Реноминация данного малагасизма совпадает во французском и русском словарях (с той лишь разницей, что МРС еще и вводит «чужую» L-реалию – ‘тарарака (дневная сова)’.

Подобные адаптивные C-реалии во французской лексикографии были введены в 162 случаях (из 367 случаев), а используемые при их введении упомянутые метаслова являются по сути семантически пустыми, т.к. не дают читателю словаря практически никакой информации, эксплицирующей малагасийскую реалию. Подобные случаи свидетельствуют о стремлении вписать чужую реальность в привычную для французов систему понятий – даже за счет опущения национальной специфики «чужой» лингвокультуры (в нашем случае – малагасийской).

При освоении малагасийской действительности французской лексикографии свойственно введение так называемых *потенциальных* экспликаций, за которыми кроются латинские идентификаторы (99 случаев из 402). Например, R-реалия *Dimbinàla* семантизируется следующим образом: «Espèce d'arbuste. *Embelia concinna*» (вид кустарника). Значение рассматриваемой реалии раскрывается путем введения «своей» C-реалии, за которой следует латинское название вида, отсылающее к ботанической классификации растений. Для среднестатистического француза экспликация, представленная посредством латинского названия, не выполняет своей уточняющей, конкретизирующей функции расширения концептосферы, и, как правило, требует обращения к другим источникам, не всегда имеющимся под рукой у читателя. Поэтому латинские идентификаторы, используемые авторами для раскрытия значения малагасийских реалий, рассматриваются как *потенциальные* C-реалии. Семантизация в МРС – ‘димбинала (кустарник *Embelia concinna*)’.

Bongolàhy – ‘Espèce de *Chrysopia*’ (вид *Chrysopia*). В данном примере дефиниция малагасизма представлена тремя словами (двумя словами с лексическим значением и одним с грамматическим). Из двух лексических слов одно (‘espèce’ (вид)) является практически семантически опустошенным словом, сообщает лишь, что речь идет об одном из видов кустарников, деревьев, насекомых и т.д. За ним следует ботаническая номенклатура, информативность которой также практически равна нулю: если читатель словаря не обратится к внешнему источнику, он так и не узнает, что кроется за латинским названием. Введенная C-реалия для носителей французского языка является малоинформативной. Семантизация в МРС – ‘бунгулахи (растение семейства *Chrysopia*)’.

Pariamàso – ‘Espèce d'oiseau. *Zosterops madagascariensis*’ (вид птицы). Семантизация в МРС – ‘париамасу (птица *Zosterops madagascariensis*)’.

FÒNY – ‘Pigeon bleu. *Columba madagascariensis*’ (синий голубь). Семантизация в МРС – ‘фуни (голубой голубь)’.

Вторым по частотности способом освоения малагасийской действительности средствами французского языка является введение R-

реалий (58 случаев). Например, *ARIVOLÀHY* – ‘Calebasse. *Lagenaria*’ (бутылочная тыква). Благодаря наличию определенных участков пересечения концептуальных систем малагасийского и французского языков авторы словаря ввели «свою» R-реалию в качестве эквивалентной. Но ассоциации, связанные с этим явлением у носителей двух культур, безусловно разные. Н.А. Фененко справедливо отмечает, что в подобных случаях в результате введения «своей» R-реалии «национально-специфические единицы значения затушевываются, на первый план выступают ассоциации, связанные в сознании носителей языка с тем или иным предметом собственной культуры» [Фененко 2001: 92].

Ясность вносит описание данного растения у П. Буато: «La courge calebasse, dont le péricarpe durcit à maturité, contribue encore largement au mobilier malgache dans les régions rurales: récipients pour conserver l'eau, l'huile, les onguents, instruments de musique, etc. Joue un rôle considérable dans le folklore et les proverbes malgaches» (тыква, чей околоплодник затвердевает при созревании. В сельских районах является неотъемлемой частью малагасийского убранства: контейнеры для хранения воды, масла, мазей, из них же изготавливают музыкальные инструменты и т. д. Играет значительную роль в малагасийском фольклоре и пословицах) [Boiteau 1997a]. Семантизация в MPC – ‘аривулахи (тыква семейства *Lagenaria*)’.

ANJAVÏDY – ‘l’ambaville de Maurice et de Bourbon, bruyère. *Hubertia ambavilla*, ou *Senecia ambavilla*’. Дефиниция малагасизма представлена введением C-реалии, которая подана опосредованно, т.к. она содержит слово *ambaville*, которое не зафиксировано ни в двуязычных, ни в толковых французских словарях. Очевидно, что это слово является «офранцузенным» вариантом его латинского названия. Для читателей словаря введенная C-реалия указывает лишь на то, что это нечто из Маврикия и Реюньона. Далее осмысление нового, неизвестного происходит путем сопоставления с известным явлением подобного рода из своей французской культуры, т.е. авторы словаря вводят «свою» R-реалию ‘bruyère’ (вереск). Следующая за R-реалией потенциальная C-реалия, отсылающая к латинскому ботаническому названию, может дать читателю кое-какое представление, если тот обратится к внешним источникам.

Так, например, из потенциальной C-реалии мы узнаем, что амбавиль – это вид кустарника семейства Астровые, эндемичный для Реюньона, где растение на креольском называют *Zambavil*, *Lanbavil*, *Jean Bavile*, *Embravile* в зависимости от региона острова: «l’ambaville (*Hubertia ambavilla*) est une espèce arbustive de la famille des Asteracées, endémique de La Réunion. L’Ambaville se dit aussi *Zambavil*, *Lanbavil*, *Jean Bavile*, *Embravile*, en créole réunionnais, selon les régions de l’île [https://fr.wikipedia.org/wiki/Ambaville].

Об этом же растении, с тем же латинским названием упоминает и П. Буато: «Nom générique des bruyères malgaches dont on compte quatorze espèces. La plus commune, *Philippia floribunda* (*Ericaceae*) était l’objet autrefois d’un important commerce. Les habitants de Tananarive dépourvus de ressources allaient

en couper des fagots à 40 ou 50 km à l'Est de la ville et les ramenaient pour les vendre comme combustible aux personnes aisées. Appréciées parce que ne faisant pas de fumée, elles se vendaient un bon prix» (родовое название малагасийских вересков, насчитывающих четырнадцать видов. Самый распространенный вид – это *Philippia floribunda* (*Ericaceae*), бывший когда-то предметом крупной торговли. Небогатые жители Антананариву отправлялись за его хворостом за 40-50 км к востоку и привозили на продажу в качестве топлива зажиточным людям, т.к. этот вереск не дымил, он очень ценился и покупался по хорошей цене) [Boiteau 1997a].

Таким образом, все представленные дефиниции сходятся в одном, в отсылке к денотату – *вереск*, что является частичной компенсацией значения малагасизма и, следовательно, сопровождается смысловыми потерями.

Кроме этого, информация представленная в DMF может быть недостоверной. По-видимому, малагасийскому слову ошибочно приписано латинское название *Hubertia ambavilla* или *Senecia ambavilla*, т.к. на самом Мадагаскаре произрастает *Philippia floribunda*, и вероятность того, что именно этот вереск называется этим словом, значительно выше.

Реноминация в MPC сводится к комплексному типу «чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия-гипероним, за которой следует потенциальная C-реалия, указывающая на те же латинские ботанические названия, что и DMF: ‘андзавиди (растение *Hubertia ambavilla* или *Senecia ambavilla*)’.

Введенные R-реалии представляют собой, с одной стороны, сходство денотативных признаков R-реалий французской и малагасийской лингвокультур, а с другой стороны, потерю семантического наполнения малагасизмов, т.к. в большинстве случаев узкое видовое понятие во французской лексикографии заменяется общим родовым, в результате чего наблюдается полная утрата национальной специфики малагасийской культуры.

Например, *ANDRARÉZINA* – ‘Arbuste. *Celtis madagascariensis*’ (кустарник). В данном случае малагасизм, обозначающий конкретное малагасийское растение во всем бесконечном многообразии его характеристик, передается на французский язык гиперонимом – куст и все. Это значит, что все остальное французскому менталитету не интересно. Если читателю интересно все же знать, что это за растение, авторы словаря ввели потенциальную C-реалию – латинский идентификатор. Семантизация в MPC – ‘андрарезина (кустарник *Celtis madagascariensis*)’.

Kelihomandrà – ‘Herbe’ (трава). Семантизация в MPC – ‘келихумадра (травянистое растение; кровоостанавливающее средство)’.

GADRAGÀDRA – ‘Oiseau. Espèce de *Pterocles*’ (птица. Вид *Pterocles*). Из четырех слов, представленных в дефиниции, относительно информативным для читателя является гипероним – ‘oiseau’ (птица). Для среднестатистического француза C-реалия ‘espèce de *Pterocles*’ не даст абсолютно никакой информации. Следуя латинскому идентификатору, ее

приходится искать за пределами словаря: «*Pretocles personatus* 1 мадагаскарский рябок *m* 2 Madagascar sandgrouse 3 Maskenflughuhn *n* 4 ganga *m* masqué» [Бёме 1994: 95]. Подобного рода дефиниции свидетельствуют об отсутствии заботы о комфорте читателя. Семантизация в МРС – ‘гадрагадра (птица семейства *Pterocles*)’.

AMPÒDY – ‘Arbre à bois jaune imitant le buis’ (дерево с желтой древесиной похожее на самшит). Малагасийская R-реалия становится понятной носителю французского языка за счет введения «своей» C-реалии – ‘arbre à bois jaune’ (дерево с желтой древесиной), но далее авторы словаря попытались сопоставить ее с хорошо известным явлением французской культуры ‘*le buis*’ (*самшит*), т.е. ввели в дефиницию слова «свою» R-реалию. Известно, что древесина самшита светло-желтого цвета, на вкус немного горькая, а ее древесина самая плотная и твердая из всех встречающихся в Европе [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Самшит>].

Эти же качества приписываются и малагасийской R-реалии *AMPÒDY* – родовое название растений *Vepris* семейства *Rutaceae* и других кустарников или небольших деревьев, кора которых очень горькая и используется для приготовления алкогольных напитков. Прекрасная древесина, напоминающая самшит и используемая при изготовлении изысканных предметов декора и мебели: «nom générique de *vepris* (*Rutaceae*) et d'autres arbustes ou petits arbres dont les écorces sont très amères et employées à la préparation de boissons alcooliques. Beau bois de tableterie, rappelant le buis» [Dictionnaire Malgache et Encyclopédie de Madagascar].

Vepris ampody является эндемиком восточного Мадагаскара. Горькая кора стебля используется для приготовления алкогольных напитков, обычно используемых во время ритуалов обрезания в качестве эйфоретика, афродизиака и стимулятора. Отвар коры стебля принимают в качестве укрепляющего средства при малярии. Отвар листьев и коры смешивают с несколькими другими растениями и принимают для облегчения симптомов малярии, усталости и мышечных болей. Древесина считается пригодной для строительных целей и изготовления предметов роскоши: «The bitter stem bark is used for making alcoholic drinks commonly used during circumcision rituals as an euphoric, aphrodisiac and stimulant. A stem bark decoction is taken as a fortifier in cases of malaria. A decoction of the leaf and bark is mixed with several other plants and taken to relieve malarial symptoms, tiredness, muscular aches and pains. The wood is considered good for construction purposes and pattern making of luxury goods» [Vernis ampody: <https://uses.plantnet-project.org>]. Семантизация в МРС – ‘ампуди (вид дерева, похожего на самшит)’.

NÀTO – ‘Natte, arbre dont l'écorce sert à faire une teinture rouge. *Imbricaria madagascariensis*’ (дерево нату, кора которого используется для изготовления красного красителя). Появление в дефиниции слова *natte* у носителей французского языка вызывает лишь следующие ассоциации: «(latin populaire *natta, du bas latin *matta*) 1. Tissu de paille, de jonc, de roseau, fait de brins entrelacés. 2. Pièce de ce tissu servant de tapis, de couchette. 3.

Ensemble de mèches de cheveux entrelacés. 4. Petit pain au lait formé de trois brins de pâte tressés ensemble» ((из народной латыни *natta, из поздней латыни *matta*) 1. плетеное полотно из соломы, камыша, тростника. 2. кусок этого полотна, служащий ковриком, спальным местом. 3. Пряди волос, переплетающиеся между собой. 4. молочная сдобная булочка из трех нитей теста, сплетенных вместе [Dictionnaire de français Larousse]. Как видно, слово *natte* зафиксировано французскими словарями, но упоминания о мадагаскарском дереве в них нет.

Как отмечает П. Буато, данное слово является телескопической единицей. Еще первые европейские экспортеры такие, как Флакур, Пуавр, Рошон, обратили внимание на это слово, давшее на Реюньоне и Маврикии креольское название: «древесина дерева нату» (путем телескопии: *natte* и малагасийское *nato*, произношение которых практически идентично): «*nom très anciennement relevé par les premiers exportateurs européens: Flacourt, Poivre, Rochon. Il a donné le nom créole: «Bois de natte » à la Réunion et Maurice (par télescopage du français : natte et du malgache nato, dont la prononciation est presque la même)» [Boiteau 1997c]. Семантизация в MPC – ‘нату (дерево *Imbricaria madagascariensis*; из коры изготавливают красный краситель)’.*

Наименее частотным способом освоения малагасийской действительности французской лексикографией является введение L-реалий (45 случаев), т.е. лексических единиц, приобретающих звуко-буквенную форму в соответствии с транскрипционной / транслитерационной традицией французской орфографии и свидетельствующие о непосредственной принадлежности реалии к малагасийской лингвокультуре.

Например, *LONGÒZA* – ‘Plante; Longouze dont les feuilles sont employées souvent en guise de cuillère. *Atomum Daniellii*’ (растение; лунгуза, чьи листья часто используются в качестве ложки). В данном примере наблюдается комплексный тип реноминации, обеспечивающий заполнение и компенсацию лакун. Вводится родовое понятие ‘*plante*’ (растение), т.е. «своя» R-реалия, являющаяся функциональным сближением чужого денотата со своим, далее заимствуется малагасийская L-реалия, где этому процессу сопутствует орфографическое освоение слова. И вместе с этим авторы словаря эксплицируют культурно-специфическую информацию посредством «чужой» C-реалии. Семантизация в MPC – ‘лунгуза (растение *Atomum Daniellii*)’.

В ходе анализа способов реноминации малагасийских реалий введено понятие *криптореалия*, под которым понимается скрытая (для носителя языка-реципиента) реалия. Следует различать *внутренние криптореалии* (40 из 45 введенных L-реалий), определяемые через слово языка-источника, и *внешние криптореалии*, определяемые через слово третьего языка, в нашем случае – через латинское (99 случаев).

Внутренняя криптореалия содержится в следующих словарных дефинициях: *ADRÌSA* – ‘*Sauterelle, la femelle de l’Aketa*’ (кузнечик, самка акеты). В процессе передачи малагасийской реалии используется

комплексный тип реноминации, схематически изображаемый следующим образом: «чужая» R-реалия → «своя» R-реалия + («своя» C-реалия + внутренняя L-криптореалия)). «Своя» C-реалия подана опосредованно, т.к. дефиницию малагасийской L-реалии приходится искать в другой словарной статье DMF: «Aketa – Nom de sauterelle, le mâle de l'Adrisa» (название кузнечика, самец адризы). Семантизация в MPC – ‘адриса (самка кузнечика акет)’.

KÌZO – ‘Terme de Fanorona: état de celui qui n’a plus qu’un pion à jouer, après l’adversaire les lui rafle tous d’un seul coup’ (термин фунуруны: ситуация, когда у игрока остается только одна фишка, которой он должен сыграть, затем противник бьет все фишки одним махом). В данном случае толкование малагасизма *KÌZO* происходит через посредство другого малагасийского слова, криптореалии *Fanorona* – ‘Grand jeu de marelle’ (игра в мельницу). Семантизация в MPC – ‘кизу (термин фануруны: ход последней фишкой)’.

ANTÌMA – ‘Espèce de propithèque, le même que le Simpona’ (разновидность пропитека, такой же, как и симпона). В данном примере французская C-реалия дается опосредованно, дефиницию малагасизма *SÌMPONA* приходится искать в другой словарной статье этого же словаря: «lémurien à longue queue, au poil jaunâtre et à la face aplatie. On l'appelle *Indris* ou *Propithecus diadema* à cause du poil un peu différent de couleur qui entoure, comme d'une couronne, sa face ronde et plate» (лемур с длинным хвостом, золотистым мехом и приплюснутой мордой. Его называют *Indris* или *Propithecus diadema* из-за немного отличающейся по цвету шерсти, которая, как корона, окружает его круглую плоскую мордочку). Семантизация в MPC – ‘антима (вид лемура)’.

VÀTA – ‘Mesure pour les grains, spécialement pour le riz; c’est le fahenina (double-décalitre)’ (мера зерна, чаще всего риса; это *фахенина* (два декалитра). В анализируемом примере авторы словаря поясняют значение малагасийской реалии посредством «чужой» C₁-реалии, вместе с этим в толковании используется малагасизм *fahenina*, для разъяснения которого в правой части словаря вводится «своя» C₂-реалия *double-décalitre*. В результате мы получаем: «чужая» C-реалия → «чужая» C₁-реалия + «чужая» L-реалия + «своя» C₂-реалия. Семантизация в MPC – ‘вата (мера зерна, чаще риса, 20 литрам)’.

В целом, на русском фоне французской лексикографии свойственно стремление удлинить текст, в крайних случаях – прибегнуть к громоздким и развернутым экспликациям, лишь бы избежать заимствования малагасизма. Французское стремление сделать «чужое» максимально «своим» говорит о национально-культурной самодостаточности и «герметичности» французской лингвокультуры. Асимметрия русско-французских отношений проявляется в том, что французы весьма обобщенно описывают малагасийскую лингвокультуру, а русские охотно перенимают ее элементы, включая слова, не стремясь заменить малагасийскую лингвокультуру своей.

В третьей главе «Освоение малагасийских реалий французами и малагасийцами в письменной французской речи на русском фоне» исследуются процессы освоения малагасийской лингвокультурной действительности средствами французского и русского языков в текстах. В данной главе из-за отсутствия возможности соблюдения параллелизма намечены две оппозиции: малагасийцы-франкофоны ~ французы и французы ~ русские, а для обеспечения сопоставимости количественных данных фигурирующие показатели приводятся в унам (ipm), т.е. в единице измерения частотности употреблений на миллион слов корпуса.

Так, частота употреблений малагасийских R-реалий в «малагасийском» корпусе (МК) составляет 659 унам; во французском корпусе (ФК) – 508 унам; в русском корпусе (РК) – 1890 унам. Частота употреблений малагасийских C-реалий в МК составляет 920 унам; во ФК – 814 унам; в РК – 2.229 унам.

Исследование процесса освоения малагасийской действительности средствами французского языка в письменной речи малагасийцев-франкофонов ~ французов и французов ~ русских показало, что способы освоения малагасизмов сводятся к определенным типам реноминации (к 11 типам в «малагасийском» корпусе, к 14 – во французском и к 14 – в русском). Эти способы принципиально не отличаются и носят универсальный характер (см. рис. 3 и 4).

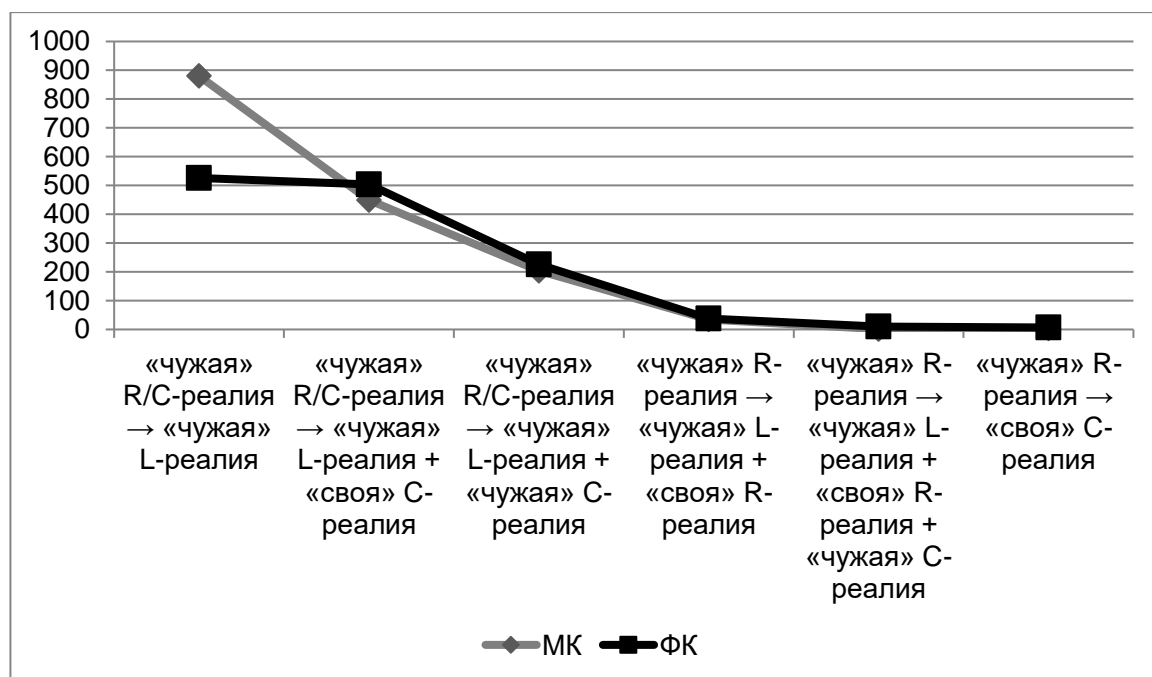

Рис.3. Разность случаев основных типов реноминации в текстах малагасийцев-франкофонов и французов (в порядке убывания)

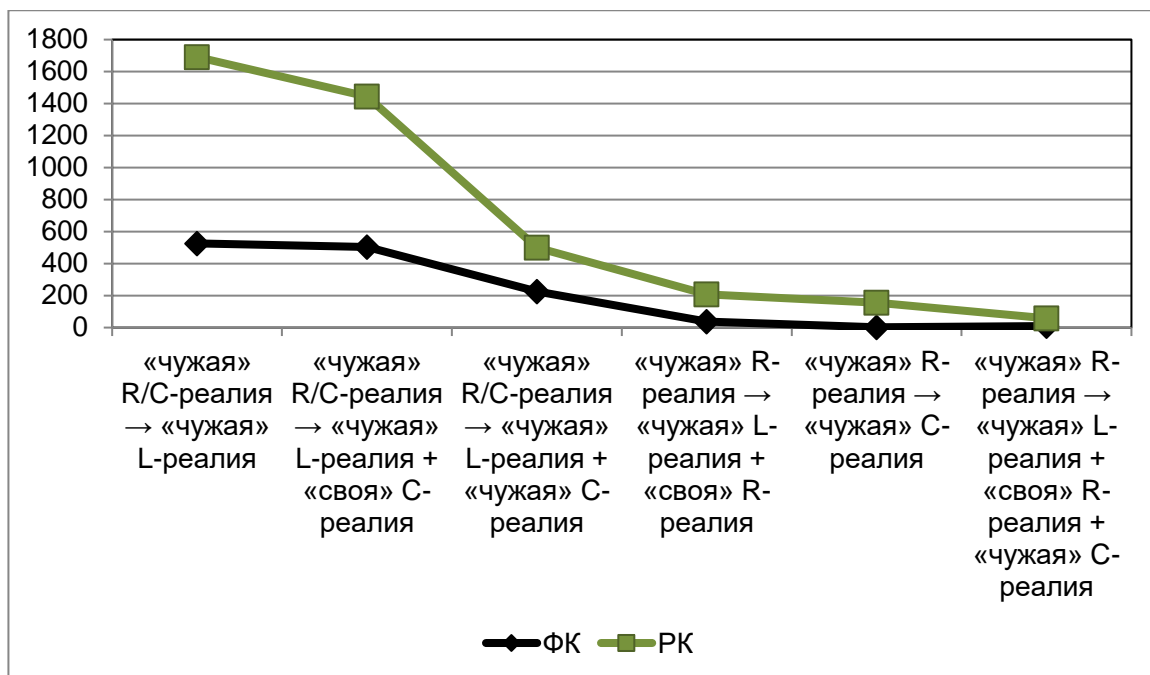

Рис.4. Разность случаев основных типов реноминации в текстах французских и русских авторов (в порядке убывания)

Диагностирующим для характеристики проявления национального менталитета в текстах является другой параметр: относительная частота появления малагасизмов (L-реалий) в тексте (см. рис. 5).

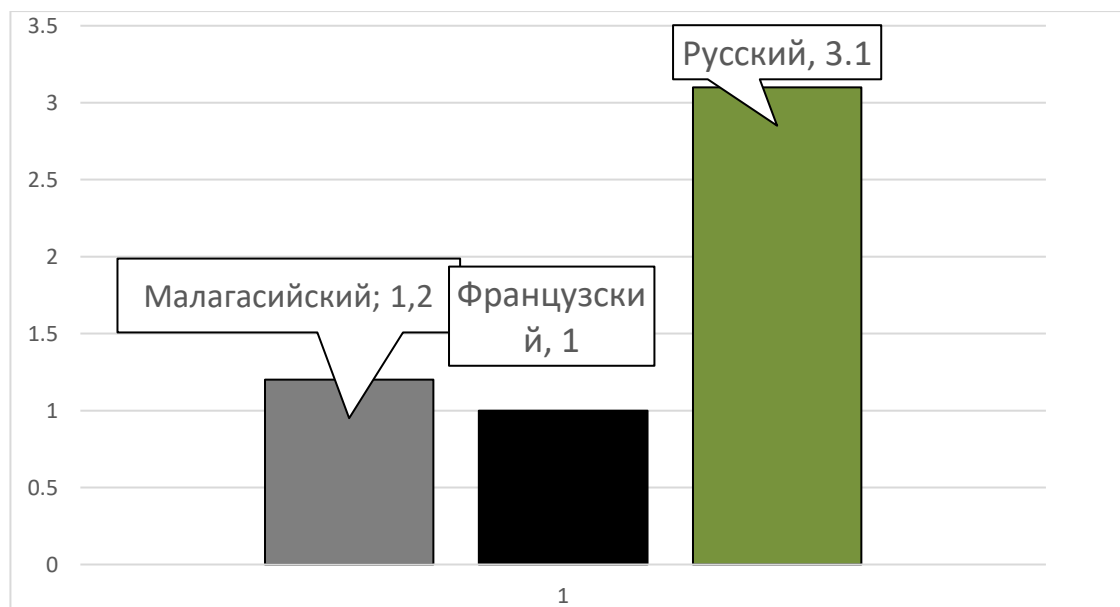

Рис. 5. Соотношение относительных частот малагасизмов (L-реалий) в текстах малагасийцев-франкофонов, французов и русских

Итак, рисунок наглядно демонстрирует, что в текстах, написанных малагасийцами-франкофонами, L-реалии встречаются в 1,2 раза чаще, чем в текстах, написанных французами. Доля малагасизмов на 1 млн.

словоупотреблений свидетельствует о стремлении малагасийцев сохранить свою идентичность. Но разрыв с французским корпусом не очень велик, что свидетельствует о высокой степени интегрированности малагасийцев-франкофонов во французскую лингвокультуру.

В текстах, написанных русскими авторами, малагасийские L-реалии встречаются в 3,1 раза чаще, чем в текстах, написанных французами. Это свидетельствует об открытости русской лингвокультуры, её интересе к другим культурам. Русские авторы словно вбирают в себя малагасийский менталитет, не видя угрозы в заимствовании L-реалий и охотно разъясняя содержание образа малагасийского мышления, вводя посредством C-реалий новые знания о незнакомой малагасийской культуре. На русском фоне французские авторы интересуются малагасийской действительностью в три раза меньше, что свидетельствует об одной из особенностей французского менталитета, проявляющейся в дистанцировании французов от единиц малагасийского языка. Это в очередной раз свидетельствует о том, что французский менталитет характеризуется национально-культурной самодостаточностью, ведущей к относительной «герметичности» французской лингвокультуры, проявляющейся в стремлении французов представить «чужое» максимально «своим».

В **заключении** обобщаются основные результаты проведенного исследования и намечаются перспективы.

Полученные результаты находят свое подтверждение в результатах исследования В.В. Колесова, пишущего о русской ментальности следующее: «Русская воля не покоряла миры, она их осваивала и усваивала, соединяя в целое – в синтезе – разнородные этносы, понимая их право тоже – на существование равно как и собственное свое право на то же» [Колесов 2006: 559].

Наши результаты подтверждаются и в результатах исследования А.П. Седых, который указывает, что французам присущ этноцентрический тип самоидентификации и концептуализации действительности. Это значит, что французы «воспринимают и оценивают другие культуры и поведение их представителей через призму своей культуры. Французская культура [по мнению французов – И.Б.] превосходит другие культуры и расценивается как единственно правильная, превосходящая все остальные. Она рассматривается как мера всех вещей, и ценности других культур оцениваются с точки зрения соответствия или несоответствия параметрам именно французской культуры» [Седых 2013: 57].

Это качество имеет глубокие исторические корни и ярко проявилось в склонности к «офранцузиванию» других народов, которая в период колониализма принимала порой насильственные формы. Ж. Багана отмечает, что «языковая политика французских колонизаторов с самого начала отличалась от политики британской и бельгийской администраций. В бельгийских и британских владениях не запрещалось использование местных языков на низших административных уровнях и в начальной школе, а во

французских и португальских колониях местные языки были вытеснены отовсюду, кроме религии» [Багана, 2014: 9].

Получение тех же выводов при совершенно разных объектах исследования с В.В. Колесовым и А.П. Седых свидетельствует об объективности существования национального менталитета и его способности проявляться в самых различных текстах и фактах языка.

Эффективным способом исследования национального менталитета является исследование того, как носители данного языка и соответственно данного менталитета осваивают чужую действительность. Освоение чужой действительности в процессе реноминации как ключ к пониманию менталитета.

Ближайшие перспективы исследования состоят в привлечении данных об освоении малагасийской действительности другими (прежде всего – романскими, славянскими и германскими) лингвокультурами и получении сопоставимых данных о проявлении национальных менталитетов носителей иных лингвокультур.

Основное содержание, результаты работы и выводы проведенного исследования отражены в 12 публикациях автора, из которых:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Бузук И.Л. Освоение малагасийских реалий средствами французского языка (на материале романов малагасийцев-франкофонов) / И.А. Бузук // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 125–129.

2. Бузук И.Л. Освоение малагасийских реалий французской лексикографией (на русском фоне) [Электронный ресурс] // А.А. Кретов, И.Л. Бузук // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2016. – № 4(46). – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/048/content_048.htm.

3. Бузук И.Л. Представление малагасийских реалий в малагасийско-французском словаре / И.Л. Бузук // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 62–67.

4. Бузук И.Л. Реноминация малагасийских реалий во французской письменной речи / И.Л. Бузук // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2. – С. 128–133.

5. Бузук И.Л. Малагасийская действительность по-французски / И.Л. Бузук // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 4. – С. 136–142.

6. Бузук И.Л. Малагасийские реалии в зеркале французского языка // А.А. Кретов, И.Л. Бузук // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 110–118.

Работы, опубликованные в сборниках научных трудов и периодических изданиях:

7. Бузук И.Л. Оязыковление малагасийской действительности во французской и русской двуязычной лексикографии / И.Л. Бузук // Сопоставительные исследования 2017. – Воронеж: издательство «Истоки», 2017. – С.175–180.

8. Бузук И.Л. Способы отражения малагасийских реалий в письменной речи французов и русских с позиции теории реноминации / И.Л. Бузук // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: тезисы докл. междунар. науч. конф., Минск, 10-11 мая 2017 г. / редкол. Л.М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С.126–128.

9. Бузук И.Л. Реноминация реалий «чужой» действительности средствами французского языка (на материале малагасийских сказок) / И.Л. Бузук // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве [Текст]: материалы Международной заочной научно-практической конференции (г. Москва, 19 марта 2017 г.) / отв. ред. В.В. Никульцева; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – М.: МФЮА, 2017. – С. 197–203.

10. Бузук И.Л. Малагасийские реалии глазами носителей русского языка: в аспекте теории реноминации / И.Л. Бузук // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2009. – М.: Издательство Экон-Информ, 2018. – С. 148–159.

11. Бузук И.Л. Французская и малагасийская лингвокультуры: кросс-культурный диалог через призму теории реноминации / И.Л. Бузук // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Сборник научн. статей Республиканской научно-практической конференции (с международным участием), 25 октября 2019 года / редкол.: О.В. Еремеева [и др.]. – Тирасполь: ПГУ, 2020. – С. 195–200.

12. Бузук И.Л. Диалог культур или коммуникативная пропасть? (малагасийские реалии в письменной речи французов и русских) / Бузук И.Л., А.А. Кретов // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 16-19 декабря 2020 г.) / [под ред. Л.Г. Кузьминой, Н.А. Фененко]. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2021. – С. 69–79.